

От автора

Данное повествование является плодом фантазии автора, но большинство персонажей, естественно, имеют своих прототипов. Характеристики и действия персонажей, похожих на исторических деятелей описываемой эпохи, обоснованы сугубо личными знаниями автора и его личным мнением об этих персонажах. Хотя это мнение и сформировалось в результате, надеюсь, более-менее объективного изучения вопроса. Неполиткорректные действия и высказывания персонажей обусловлены их ролью в повествовании, и автор не всегда относится положительно к таким действиям и высказываниям. Если некоторые характеристики и действия персонажей книги читателю покажутся спорными или неприемлемыми, то автор может посоветовать такому читателю ознакомиться с трудами историка и ветерана разведслужб Арсена Бениковича Мартиросяна, в частности с последней его книгой-исследованием «Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии». В своей книге А. Мартиросян приводит документы и свидетельства о прямой причастности части высшего военного командования РККА и части политического руководства СССР к трагедии 41-го года.

30—31 января 1943 года
г. Москва

Рабочий день Верховного Главнокомандующего только начинался. Первым на приём был записан начальник ГПУ РККА и по совместительству первый секретарь Московского обкома ВКП(б) Александр Сергеевич Щербаков.

После того как в октябре прошлого года в армии опять было введено единоначалие и комиссары превратились из партийных контролёров в заместителей командиров по политической части, многие высокопоставленные политработники никак не могли успокоиться. Потеря полномочий, власти, ресурсов не давали им спокойно спать и жить. В то же время многие карьерные комиссары всеми силами пытались показать и доказать свою нужность и незаменимость, пытались доказать, что без их чуткого и внимательного пригляда в армии расцветёт бардак и анархия.

Александр Сергеевич карьерным, кадровым комиссаром не был, опыт его военной службы ограничивался несколькими месяцами в Красной гвардии в 17—18-м годах. Чисто гражданский человек, практически всю жизнь посвятивший партийной и хозяйственной работе. И для него было полной неожиданностью назначение летом прошедшего

года начальником Главного Политуправления РККА на место вроде бы как проштрафившегося в Крыму Мехлиса. Подводных камней на новом месте было немерено, проблем выше крыши, и ко всему ещё никто с него не снимал ответственность за повседневную жизнь Москвы. И Щербаков, пожалуй, был единственным человеком в ГПУ, вздохнувшим с облегчением 9 октября 1942 года, когда Указом Верховного Совета СССР был отменён институт комиссаров в войсках и существенно урезаны права политорганов в армии и соответственно сократился круг обязанностей начальника ГПУ. Но... Но короля играет свита. Опытный подчинённый всегда может, подавая информацию начальнику и почти не искажая действительность, сделать те или иные акценты и добиться тем формирования у начальника приятной для подчинённого картины мира, сподвигнуть начальника к желаемым выводам и действиям. А начальник попадает в ловушку, он вынужден реагировать на ситуацию исходя из информации, предоставленной подчинёнными. Вот и сейчас начальник ГПУ пришёл на доклад к Сталину, вынужденный отреагировать на весьма тревожные доклады подчинённых. Можно было бы, конечно, не идти к Верховному. Можно было отправить эти доклады в Прокуратуру, это их тема, и пусть они сами разбираются. Собственно, так Александр Сергеевич и сделал, но партийный опыт ему подсказывал, что всё же имеет смысл доложиться и напрямую.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Щербаков. Присаживайтесь. С чем пожаловали?

— В ГПУ поступили сигналы о нарушениях советских законов командованием 9-й танковой бригады при освобождении Риги.

— Слушаю вас, излагайте.

— 9-я бригада при освобождении Риги взяла в плен более полутора тысяч советских граждан, мобилизованных немцами в полицию, Вермахт и СС. Генерал-майор Брежнев, не поставив в известность военный трибунал фронта, не проведя расследование, организовал расстрел всех этих пленных. Причём, по имеющимся данным, расстреливал лично и одновременно из ручного пулемёта. Далее, им была организована прямая радиотрансляция с места расстрела. Трансляция велась на русском, немецком и прибалтийских языках. По некоторым данным, кроме того, были организованы пытки пленных. В частности, пленных сажали на кол, пленных скидывали в ямы с голодными медведями. В Рижской типографии были отпечатаны газета и листовки, в которых красочно описывались казнь и пытки и содержались призывы так же поступать со всеми гражданами, сотрудничающими с немцами. Газета и листовки впоследствии массово разбрасывались с самолётов на оккупированной немцами территории Прибалтики.

— Чингисхан какой-то! Всё действительно так и происходило? У Брежнева, конечно, есть склонность к авантюрам, но особой кровожадности и склонности к садизму я у него не замечал.

— Информацию о произошедшем ГПУ получило вчера от политотдела 2-й танковой армии. Проверить её достоверность ГПУ не имеет возможности. Для проверки я её отправил в Прокуратуру, Бочкову.

— Ну, так пусть проверяет. Что вы-то возбудились?

— Товарищ Сталин, есть информация о том, что немцы, взятые в плен 9-й бригадой, никаким репрессиям не подвергались, никто из них не был расстрелян, более того, значительная часть раненых немцев

была передана немецкому командованию. То есть генерал Брежнев собственноручно расстреливает без суда советских граждан и в то же время заботится о нацистских солдатах. Как-то это с политической точки...

— Предателей! Предателей расстреливает.

— Но без суда, товарищ Сталин!

— Да, здесь вы правы. Но не будем спешить, пусть Прокуратура разберётся, проверит. А то знаю я, как на фронте сказки-легенды рождаются. Один из пулемёта полторы тысячи расстрелял! Это что ж у него за пулемёт такой был? Какая лента в том пулемёте должна быть? Килограммов пятьдесят?¹ И пулемёт ещё килограммов десять-пятнадцать! Да и стрелять бы пришлось непрерывно минуты две.

— Я как-то об этом не подумал, товарищ Сталин, — смутился Щербаков.

— Обо всём надо думать. Но ладно, вам простиительно. Вы — человек гражданский. Но на будущее — учите матчасть. Пригодится.

— Так точно, товарищ Сталин.

— А за информацию — спасибо. Посмотрим, что там Бочков накопает. А то с Брежнева станется. Бригадой пару миллионов немцев смог окружить², мог, наверное, и полторы тысячи одной очередью положить.

¹ Товарищ Сталин слегка ошибается. Патрон 7,62*54 в зависимости от модификации весит 21–23 грамма, металлическая пулемётная лента на 250 патронов — около полутора килограммов. Можно посчитать вес патронной ленты, скажем, на 2500 патронов. 0,022 кг * 2500 шт. + 1,5 кг * 10 шт. = 70 кг. Скорострельность пулемётов того времени — от 500–600 до 1500 выстрелов в минуту. Соответственно, время очереди в 2500 патронов от 100 секунд до 5 минут.

² Окружение группы армий «Юг» 9-й танковой бригадой под командованием полковника Брежнева описано в первой книге цикла «Дорогой Леонид Ильич» — «Большой Сатурн».

Щербаков ушёл, а Сталин задумался. Рано, конечно, делать какие-то выводы. Не раз бывало, что действительность совсем не соответствовала докладам. Но как в народе говорят — дыма без огня не бывает. Что-то там в Риге Брежнев такое натворил. Вопрос только в том, что реально?

Не раз и даже не один десяток раз Сталин сталкивался с людьми, с уважаемыми и заслуженными людьми, которые сиюминутную целесообразность ставили выше соблюдения закона, с людьми, которые считали человеческие жизни и смерти — цифрами и статистикой, не видя за этими цифрами реальных людей, их семей и близких. Таким «уважаемым» ничего не стоило пожертвовать тысячей, сотней тысяч, миллионом жизней ради достижения своих «великих» целей. Сталин не мог себе представить цель, ради которой стоит убивать. Лишить жизни человека можно только за вину, за Большую Вину. Врага можно убить в бою, на войне. Но, когда бой закончен, лишить жизни можно только за вину, вину, доказанную в соответствии с Законом. И будет очень печально, если Брежнев окажется таким же, как те «уважаемые и заслуженные», не ведающие ценности чужой жизни, с которыми Сталин боролся всю свою жизнь. Будет печально! Если будет... Ведь может быть и наоборот. Ведь не единожды бывало, что достойного человека пытались измазать в грязи, убрать с дороги к «великой» цели те самые «заслуженные», приписывающие настоящим людям свои пороки. И больших трудов стоит разобраться в каждом конкретном случае, что мы сейчас имеем?

Ладно. В любом случае Брежнев — номенклатура Ставки ВГК. Прокуратура должна провести предварительную проверку, доложить результаты проверки

Верховному и только тогда может просить санкции на арест генерала. Вот и посмотрим, что там накапливают.

Уже после полуночи Поскрёбышев доложил, что Прокурор Союза Бочков просит его принять. Быстро работают. За сутки сигнал проверили.

Генерал-майор Бочков доложил следующее. Пленные полицаи были расстреляны по приказу Брежнева добровольцами из их же числа. А вот этих добровольцев уже Брежнев и расстрелял. Репортаж, газета и листовки — были. По пыткам пленных — информация противоречивая. То ли были, то ли нет, то ли вообще театральная постановка. В трибунал фронта Брежнев о пленных полицаях не сообщал. Раненые пленные немцы действительно были на поезде отправлены в распоряжение немецких войск. Здоровые пленные немцы направлены в Боровичский лагерь-распределитель УПВИ НКВД¹. Ну и вывод — так как предварительная проверка подтвердила большинство фактов, изложенных в рапорте начальника политотдела 2-й танковой армии, то Прокуратура просит санкцию на арест генерал-майора Брежнева для проведения всех необходимых следственных действий.

— Ну что ж, товарищ Бочков. Санкцию Ставки на арест Брежнева я вам даю. — И Сталин поставил свою разрешающую резолюцию на поданном Прокурором СССР документе. — Только я вас особо прошу разобраться объективно и оперативно, не затягивая следствие.

— Есть, товарищ Верховный Главнокомандующий. Мы всегда так и работаем.

¹ УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных.

— Вы не поняли, товарищ Бочков, генерал Брежнев много сделал за последнее время для страны и может ещё многое сделать. И Ставка хочет точно знать, что это? Брежнев — враг? Брежнев, с кем не бывает, — оступился? Или это оговор и провокация? Это понятно?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Сколько времени надо Прокуратуре на расследование?

— Думаю, за неделю управимся, товарищ Сталин.

— Два, максимум три дня у вас есть. Не больше.

— Но его же ещё найти надо.

— ?

— 9-я бригада сейчас отводится на переформирование в Череповец. Брежнев сейчас, по всей видимости, где-то в пути между Псковом и Череповцом.

— Всё равно. Сутки на то, чтобы найти Брежнева. И двое суток на следствие.

— Есть.

— И сразу, как закончите следствие, — жду вашего доклада. Не затягивайте.

— Есть, товарищ Сталин. Разрешите выполнять?

— Да. Идите.

31 января 1943 года

г. Лиссабон, Португальская Республика

Переговоры министров иностранных дел Соединённого Королевства и Третьего рейха проходили в любезно предоставленной премьер-министром Португальской Республики резиденции. Накануне переговоры завершились, и теперь все участники с нетерпением ждали появления первых лиц государств, которые должны были своими подписями утвердить достигнутые договорённости. В отличие от

министров-переговорщиков, Салазар¹ не испытывал положительных эмоций от проходивших несколько дней в его резиденции переговоров. Обалденно выгодное положение страны-нейтрала-посредника во время драки двух исполинов приказало долго жить. Хорошие отношения и с Англией, и с Германией позволяли стране богатеть на военных поставках и военной контрабанде. И вот теперь... Теперь всё идёт прахом. Рейх и Британия мирятся. Закончатся переговоры, и большие парни начнут торговать напрямую, и на хрен не нужен будет им посредник. А Риббентроп ещё и намекает, что Гитлер хочет видеть португальские дивизии на Восточном фронте. Вот радость-то какая! Ломай теперь голову, как отмазаться от такого счастья. Не нужны нам земли в России, нам бы свои колонии удержать.

Но делать нечего, не может Португалия перечить таким монстрам мировой политики, как Рейх и Британия. Приходится натужно улыбаться и демонстрировать восхищение политической мудростью канцлера Рейха и премьер-министра Соединённого Королевства.

Самолёт канцлера Третьего рейха приземлился на взлётном поле открытого всего три с половиной месяца назад лиссабонского аэропорта Порте-ла ещё до восхода солнца. Почётный караул, гимны Рейха и Португалии, невыспавшийся премьер-министр Республики приветствует светящегося то ли от положительных эмоций, то ли от заливающего всё вокруг света прожекторов фюрера германской

¹ Антониу де Оливейра Салазар (28.04.1889—27.07.1970) — португальский государственный деятель, премьер-министр Португальской Республики (1932—1968), фактически диктатор Португалии.

нации и канцлера Третьего рейха. Салазар и Гитлер не спешили покинуть аэропорт. Они направились в здание аэровокзала, где в ресторане для них был накрыт ранний завтрак. Выпили по чашке кофе с круассанами. Герр Адольф благосклонно выслушал дона Антониу, восхищавшегося мудрой политикой слушателя, и, в свою очередь, выразил надежду, что дон Антониу проявит политическую дальновидность и присоединится к просвещённым нациям Европы в их борьбе с варварами. Дон Антониу ответить на это предложение не успел. К столику, где наслаждались беседой и кофе лидеры двух наций, подошёл дежурный адъютант Салазара и, извинившись, сообщил, что самолёт премьер-министра Соединённого Королевства заходит на посадку. Через несколько минут с первыми лучами солнца на ВВП аэропорта приземлился четырёхмоторный «Авро Йорк» с бортовым номером LV633. Ещё несколько дней назад это был личный самолёт личного врага фюрера, а сейчас этот лайнер привёз в Португалию личного друга герра Адольфа — сэра Освальда Мосли¹. Церемония встречи повторилась. Почётный караул, гимны, Мосли ручкается с Салазаром, Мосли обнимается с Гитлером. К лидерам стран и наций подходят главы МИД Рейха и Британии Риббентроп и Иден и официально докладывают об успешном завершении мирных переговоров. Вокруг первых лиц быстро собирается восторженная толпа из сопровождающих и встречающих. Вездесущие журналисты стрекочут кинокамерами и слепят глаза присутствующих фотовспышками. Герр Адольф произносит не-

¹ Смерть У. Черчилля и короля Георга VI и приход к власти в Британии Освальда Мосли описаны во второй книге цикла «Дорогой Леонид Ильич» — «Большая Искра».

характерно короткую, но пламенную речь об историческом единении Германии и Британии. Овации. Лидеры государств и члены делегаций рассаживаются в поданные прямо на поле аэропорта лимузины и автобусы. Длинный кортеж отправляется в резиденцию премьер-министра Португалии для проведения заключительного раунда переговоров.

Гитлер и Мосли удаляются для переговоров тет-а-тет. Тёплая, дружественная и радостная атмосфера за столом переговоров около полудня немного омрачена появлением главы Абвера. Шелленберг сообщает Гитлеру и Мосли о том, что, по агентурным данным, самолёт Эдуарда VIII, вылетевший с Багам в Британию, по всей видимости потерпел крушение. Канадский сухогруз в трёхстах милях к западу от Бермудских островов видел падающий в море большой самолёт. На месте падения обнаружены части фюзеляжа самолёта с маркировкой, совпадающей с бортовым номером самолёта, на котором летел в Британию бывший-будущий король. Выживших и тел погибших на месте катастрофы не найдено. Через пятнадцать минут в зал зашёл глава МИБ сэра Стюарт Мензис и подтвердил информацию Шелленберга.

Дааа... Дела... Ещё не похоронили Георга VI, погибшего со всей своей семьёй во время бомбёжки в Виндзорском замке... И вот гибель Эдуарда VIII. Хотя...

— Сэр Освальд, примите мои искренние соболезнования в связи с произошедшим, — траурным тоном произнёс Гитлер, — но может это и к лучшему.

— ?

— А что? Вы официально признали, что Георгу VI наследует Эдуард VIII. Пока не будет обнаружено тело

Эдуарда, не может быть и речи о каком-либо другом наследнике и вся полнота власти в Соединённом Королевстве остаётся у вас в руках, мой друг. В конце концов были прецеденты в вашей истории. Подготовьтесь как следует и через месяц-другой объявите себя, по примеру сэра Оливера¹, лордом-протектором. А после окончания войны можно будет подумать о новой династии на троне Великобритании. Как вам такое предложение?

— Да, думаю стоит внимательно рассмотреть такую возможность.

Ближе к концу дня высокие договаривающиеся стороны наконец скрепили своими подписями мирный и союзный договоры, основные положения которых предполагали следующее.

Британия в течение двух недель обеспечивает удаление со своей территории всех контингентов войск государств, находящихся в состоянии войны с Рейхом, или интернирует их. Британия не позднее чем через месяц объявляет войну Советскому Союзу и вступает в войну с СССР.

Британия:

— возвращает Рейху всех военнопленных;

— передаёт Рейху в аренду до конца войны три линкора, один авианосец, пять крейсеров первого ранга, пятнадцать эсминцев и пять десятков транспортных и вспомогательных судов, все корабли и суда передаются в аренду с командами;

— в течение двух недель передаёт безвозмездно Рейху триста истребителей, двести бомбардировщи-

¹ Оливер Кромвель (5.05.1599—13.09.1658) — английский государственный деятель и полководец, в 1653—1658 годах пожизненный лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии, фактический диктатор Соединённого Королевства.

ков, триста средних и двести тяжёлых танков и пять тысяч грузовых автомобилей;

— кроме того, не позднее чем через месяц направляет на Восточный фронт три пехотные дивизии, две — танковые и две — смешанные авиационные.

Английские военнопленные немедленно освобождаются из немецких лагерей и направляются на месяц для лечения и отдыха в санатории и госпиталя Рейха. Через месяц из всех признанных годными к военной службе формируются дополнительные английские части и соединения, направляемые на Восточный фронт.

Британия признаёт независимость Южно-Африканской Республики и выводит с её территории свою администрацию и войска. Британия признаёт за Третьим рейхом все утраченные Германией в результате ПМВ колонии и немедленно передаёт Рейху такие колонии, находящиеся на данный момент под британским управлением.

Британия и Рейх считают, что государства, не могущие самостоятельно обеспечить свой суверенитет над колониями, должны по окончании войны передать их под управление Рейху и Британии, в равных долях. Под такими государствами стороны договорились считать Данию, Голландию и Бельгию. Франция сохраняет суверенитет только над теми колониями, в которых на момент окончания войны сохранится французская администрация. Данная договорённость вошла в секретное приложение к союзному договору.

Из английских войск, дислоцированных в Иране, Ираке, Судане и Аравии, в течение месяца должна быть сформирована общевойсковая армия, направляемая в подчинение формируемой группе армий «Кавказ» на турецко-советскую границу.

Вопросы войны и мира с США Британия решает самостоятельно. В случае начала войны между Британией и США Рейх готов оказать помощь Британии силами своего флота и десантными частями. Третий рейх готов выступить посредником для прекращения войны между Японией и Соединённым Королевством.

Британия немедленно прекращает состояние войны с Турецкой Республикой, признаёт зону интересов Турции, оговорённую в немецко-турецком соглашении, и в случае выполнения Турцией обязательств перед Рейхом — признаёт восстановление Османской империи.

Британия немедленно прекращает состояние войны со всеми остальными европейскими союзниками Рейха.

Британия признаёт зону Суэцкого канала и Египет зоной интересов Рейха. Рейх, в свою очередь, обязуется обеспечить свободу британского мореплавания через канал. Британия признаёт суверенитет Третьего рейха над Гибралтаром. Рейх, в свою очередь, обязуется обеспечить свободу британского мореплавания через Гибралтарский пролив.

Британия признаёт территорию от восточных границ Рейха и до Урала зоной интересов Рейха. Рейх признаёт территорию Средней Азии зоной интересов Британии.

Немедленно начинаются переговоры по заключению всеобъемлющего торгового соглашения. Вне зависимости от данного торгового соглашения Британия обязуется восполнять потери в передаваемой безвозмездно Рейху технике.

Рейх имеет право до конца войны безвозмездно пользоваться территорией Британии и её колоний для размещения военных баз и ведения с них военных действий. Кроме того, Рейх имеет право разместить

на Мальте военно-морскую и военно-воздушную базы безвозмездно и без ограничения по времени.

Приглашённый под конец переговоров Салазар смог выторговать для Португалии следующее.

Португалия объявляет войну СССР, но регулярные войска на Восточный фронт не направляет. Португалия не препятствует формированию на её территории и из её граждан добровольческих частей Вермахта и СС для войны на стороне Рейха на Восточном фронте. Португалия не возражает до конца войны против размещения на Азорских островах военных, военно-воздушных и военно-морских баз Рейха и Британии. Кроме того, Британия и Рейх могут пользоваться в случае военной необходимости территорией колоний Португалии. Вопросы войны и мира с США Португалия решает самостоятельно и в случае войны с США получит поддержку со стороны Британии и Рейха.

Пышный приём завершил судьбоносные переговоры. Банкет, переходящий в разгульную пьянку. Даже исповедующий трезвость германский канцлер не удержался и выдул под хорошую закуску бутылку отличного портвейна. Салют-фейерверк. И на политической карте мира всё опять перемешалось. Британия и Рейх решили большую часть своих проблем (по крайней мере их руководители так считали) и обеспечили проблемы остальным участникам глобального передела мира.

3 февраля 1943 года
г. Москва

Пошли третьи сутки, как я в Москве. Опять опричники кровавого режима держат меня в застенках. Застенки, правда, больше похожи на комнату в провинциальной студенческой общаге. Метров пятна-

дцать квадратных. Окно нормальных размеров и не под потолком. Две панцирные кровати с приличными матрасами и чистым бельём. Стол, два стула, пара тумбочек и платяной шкаф. И, что характерно, всё это не привинчено к полу и стенам. Обычная межкомнатная дверь в коридор не заперта. В коридоре ещё пяток таких же дверей, по всей видимости, скрывающих такие же, как у меня, комнаты. Санузел — в конце коридора. В другом конце коридора — стол. За ним сидит дежурный по этажу. Явно не призывного возраста мужик с погонами старшины. У него можно чайком разжиться. Три раза в день за мной приходит выводной-конвойный-сопровождающий и ведёт в служебную столовую. В столовой питаюсь по своему продаттестату.

Вот такие застенки и порядки в них. Странно? Да ни фига. Потому что я не заключён под стражу. Прокурор меня под домашний арест посадил. А поскольку в Москве у меня дома нет, то сижу в здании союзной Прокуратуры. В постановлении прокурора так и написано — «по адресу: г. Москва, Пушкинская улица, дом 15-а». А застенки — это общага-казарма-гостиница для приезжих прокурорских.

Вчера пару раз вызывали на допрос. Всё тот же полковник уточнял всяки-разны детали. Не грубил, не хамил, не пытал. Даже странно как-то. Сегодня с утра обнаружил горячую воду в кранах санузла. С наслаждением принял душ. Потом поход на завтрак в столовую. Гречневая каша с мясной подливой, бутер с маслом и настоящий грузинский чай с кусковым сахаром вприкуску. Жить можно. Но скучно. И неопределённость. Сколько мне ещё здесь бездельничать? Хотя тот прокурорский полкан и проговорился, что старшие товарищи требуют по-

быстрее закончить следствие, но, когда наступит это «побыстрее», непонятно.

Завалился на кровать, читаю свежие газеты. Вчера некогда было почитать — допросы, приём пищи и здоровый сон, а сегодня после завтрака выяснил, что есть тут такой бонус. У дежурного по общаге попросил, а он не отказал. «Правда», «Известия» и «Красная Звезда». Наши окружили Новгород. В котле под Ленинградом ещё пара немецких полков в плен сдалась. Наши подошли к Нарве и Таллину. Молодцы. А вот вести от союзников. Англия замирилась с Рейхом. Тыдынц! Вот это фокус! Это я, что ли, так всё поменял? Дела! Это ж теперь у Гитлера ворота для морской торговли открываются нараспашку, и Рейх прирастает ресурсами всей Британской империи. Попадос! Надо как-то эту тему разруливать, а то все мои авантюры в минус для страны сработают. Думаю. Прикидываю варианты. От думок мозги начинают нагреваться. Варианты просматриваются, но рассмотреть их до конца не получается. В дверях комнаты появляется конвойный-выводной.

— Товарищ генерал, приказано вас к прокурору сопровождать.

Сел на кровати. Ноги всунуть в сапоги. И я готов. Идём знакомыми уже коридорами к допросному кабинету.

Давешний полковник сидит за столом и просматривает пухлую папку с моим делом. Отрывает взгляд от документов и смотрит на меня.

— Итак, товарищ Брежнев, следствие по вашему делу практически завершено. Имеете ли что ещё добавить? Может, что ещё вспомнили?

— Добавить я могу много чего ещё, только на общую картину эти воспоминания не повлияют.

— Ну что ж, нет — так нет.

Закрывает папку и нажимает на кнопку вызова конвоя.

Ну, вот сейчас ворвётся конвой, отхреначит меня начищенными до блеска хромовыми сапогами и потащит в настоящую камеру. Или сразу в расстрельный подвал?

В кабинет заходит сержант-конвойный, и прокурор меня удивляет:

— Тюрин, собери вещи товарища генерала и в приёмную их к Прокурору принеси.

— Есть, товарищ полковник.

Сержант выходит. Чёй-то непонятно.

— Пойдёмте, товарищ генерал.

Опять идём по коридорам. Высокая дубовая дверь. На ней табличка — «Приёмная». За дверью, вот неожиданность, действительно обширная приёмная. За большим столом с телефонами и пишущей машинкой сидит симпатичная девушка в форме младшего лейтенанта юстиции. Здоровается с полковником. Снимает трубку одного из телефонов.

— Пришли, товарищ генерал, — это она в трубку, и потом уже нам кивает: — Проходите, вас ждут.

Справа от стола двустворчатые двери, обитые кожзаменителем и с начищенной до блеска медной табличкой — «Прокурор СССР. Ген-майор Виктор Михайлович Бочков». Меня уже большими чинами не удивишь, но приятно, чёрт возьми, сам Прокурор Союза моим делом занимается.

Заходим. Полковник — первым, я — за ним. Во главе большого Т-образного стола сидит симпатичный, лет сорока генерал с добрыми, слегка прищуренными глазами. Полковник почему-то становится вполоборота к генералу, принимает строевую стойку и начинает докладывать:

— Товарищ...

Поворачиваю голову вправо, к окну, и чуть не роняю челюсть. У закрытого белыми французскими шторами окна присел на подоконник Верховный Главнокомандующий.

Сталин взмахом руки останавливает доклад полковника:

— Вы всё уже закончили?

— Так точно, товарищ Верховный Главнокомандующий.

Сталин протягивает руку за папкой с моим делом.

— Спасибо, товарищ полковник, вы пока свободны.

Полковник выходит из кабинета, а Сталин несколько секунд рассматривает меня, потом начинает листать дело. Читает быстро, по диагонали. Что-то перечитывает, что-то пролистывает, не глядя. Пять минут тишины. Наконец Верховный опять поднимает взгляд на меня. Пауза. Вздох.

— Что скажете, товарищ Брежнев?

От сердца отлегло. Раз товарищем назвал, значит, ещё повоюем.

— Простите меня, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— За что?

— За то, что мои действия отрывают руководство страны от других дел.

Сталин переглядывается с Бочковым, хмыкает и тихо молвит:

— Наглец.

Стою. Молчу.

— Генерал, у вас голова не кружится? От успехов? — это Сталин произносит, уже пристально вглядываясь в меня.

— Никак нет, товарищ Верховный Главнокомандующий, не кружится.

— А откуда ж тогда эта папка появилась? — Сталин делает шаг к столу, кладёт на него папку и прихлопывает её сверху ладонью.

— Думаю, что те, кто... — пытаюсь подобрать слово. — Те, кто доложил о моих действиях, не имеют представления о том, что и как происходит на фронте и за линией фронта, — вроде политкорректно получилось.

— Не имеют? — слегка повышает тон Иосиф Виссарионович. — Я вот не раз сталкивался со случаями, когда командиры отдавали приказ расстрелять врагов. Но чтобы зараз, без суда, расстрелять полторы тысячи? Да ещё и чтобы генерал лично командовал-расстреливал — такое впервые... — и тут же без перехода: — Вам нравится расстреливать, генерал?

— Никак нет, това...

— Так объясните нам свои действия.

Ага, уже раз пять объяснял. Хотите послушать ещё раз? Да не проблема.

— Первое. Все расстрелянные — граждане СССР. Подавляющее число из них дезертировали из Красной Армии, остальные скрылись от мобилизации. Все добровольно пошли на службу к немцам. В документах, захваченных нами у их командования, есть отметки в их личных делах о том, что все они принесли личную присягу Гитлеру и считаются зачисленными в ряды СС. Вывод однозначный — предатели. Второе. Сообщить трибуналу фронта о пленении этих предателей возможность была. Но тогда надо было бы отправлять все документы по этому делу в штаб фронта. Пока оформим всё на месте, пока самолёт в штаб фронта слетает, пока в трибунале всю эту кипу бумаг просмотрят-рассмотрят — сутки, а то и двое пройдут. В первые часы после пленения эти полицаи-эсэсовцы были растеряны

и деморализованы, но, если бы им дать сутки на то, чтобы прийти в себя, они вполне могли и взбунтоваться. Третье. Практически все бойцы из постоянного состава бригады были задействованы в разведке, устройстве-подготовке засад и подготовке собственно обороны Риги. Выделить из их числа достаточное количество бойцов для охраны целого полка полицаев не представлялось возможным. Четвёртое. Гарнизон собственно города в тот момент состоял из только что освобождённых наших военнопленных. Подразделения из них только формировались. Боевой дух у этих бойцов был высок, но физически они все были очень истощены. Поэтому, если их использовать для охраны пленных, такая охрана должна была быть численностью не менее батальона. Отвлечь с обороны города целый батальон на охрану полицаев в то время, когда на Ригу наступал целый мехкорпус СС? А вдруг как раз этого батальона и не хватит, чтобы удержать немцев? А если этот полк полицаев-эсэсовцев взбунтуется в то время, когда немцы начнут штурм города? Кроме того, была велика вероятность, что наши бывшие военнопленные не сдержатся и устроят самосуд. Так что у меня не было другого выхода, — прерываюсь на отдышаться. — Разрешите обратиться к товарищу генерал-майору?

— Обращайтесь.

— Товарищ генерал-майор, — оборачиваюсь к Бочкову. — Какой приговор вынес бы трибунал фронта этим полицаям, если бы получил мой доклад по ним?

— Да, какой? — Сталин тоже смотрит на Прокурора Союза.

— Расстрел, однозначно расстрел, товарищ Сталин.

— Ну, вот. Оставить их у себя в тылу я не мог. Не кем мне было их охранять. Возможности их переправить на Большую землю в то время у меня не было. Им всё равно был бы приговор — расстрел. Вот я и принял решение исходя из обстановки. Как-то так, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Но зачем лично было расстреливать?

— Убить человека, даже врага, даже в бою, в первый раз для большинства людей сложно. Расстрелять полторы тысячи зараз ещё сложнее. Даже если они враги-предатели. В общем, я не захотел загружать своих подчинённых. Сам принял решение, сам и исполнил. И лично я расстрелял только десятых. Эти десять были отобраны из нескольких сотен лицаев-добровольцев, вызвавшихся расстрелять своих сослуживцев. Вот они из десяти пулемётов и расстреляли... А я уже потом этих пулемётчиков из немецкого автомата расстрелял.

— Чем загружать не захотел?

Ага, проговорился. Нет здесь пока такого оборота.

— Ответственностью и душевными терзаниями, — подумал и добавил: — Казнить предателя, я думаю, для большинства присутствующих тогда там не составляло бы труда и не вызвало бы каких-то душевных терзаний. Но полторы тысячи трупов, пусть даже и вражбых... На психику это давит весьма сильно.

— А ваша психика, генерал?

— Пока не подводила, — вон куда Виссарионович клонит, типа не маньяк ли я, — вы только не подумайте, что мне это было в радость. С большим удовольствием спихнул бы эту проблему на кого-нибудь постарше должностью, пусть решает и выносит приговор. Но не было там тогда никого из

старших. А на подчинённых я не счёл возможным переключивать.

— По этому вопросу — понятно. А по немецким военнопленным? Вы и в Ростове раненых немцев возвращали, и в Риге вернули их немецкому командованию. Это принципиальная позиция?

— В Ростове все раненые немцы были отправлены вовнутрь котла. Через две-три недели они всё равно оказались у нас в плену. А мы сэкономили ресурсы на их содержание и лечение, одновременно нагрузив этими проблемами командование окружённых войск противника. В Риге все раненые немцы прошли через медкомиссию. Отправлены были только инвалиды и тяжелораненые, по которым наши медики дали заключение, что они уже не смогут вернуться в строй. Пусть Гитлер лечит и содержит своих инвалидов. Все способные держать оружие и работоспособные пленные были переданы в НКВД после подхода к Риге 2-й танковой армии.

— Но на немцев у вас охраны хватило, хотя их и было несколько больше, чем полицаев.

— Я уже прокурору объяснял. Немцы в плену ведут себя по большей части спокойно. Основная масса устала от войны и понимает, что для них война уже закончилась. Главное для них, что погибать уже не придётся. Ну, поработают в лагерях, а потом война закончится и их домой отпустят. Немцам не грозил расстрел, у них была отличная от полицаев-предателей мотивация. И, соответственно, для их охраны можно было выделить заметно меньше сил. Реально их охраной были заняты только два взвода. Кроме того, передача в Елгаву эшелона с ранеными немцами прикрывала диверсию. Немцам было сообщено, что будет два состава с ранеными. Первый

поезд прошёл. За ним второй, только вместо раненых он был загружен морскими минами и торпедами. Дистанционным подрывом этого эшелона была разрушена железнодорожная станция Елгава, была уничтожена передовая часть мехкорпуса СС, разгрузившаяся там в тот момент, и разрушен мост через реку. В результате было почти на двое суток задержано развёртывание немецкого корпуса. А это, в свою очередь, обеспечило в очень большой части успех обороны Риги.

— Поясните этот момент.

— Немцы скорее всего имели данные о том, что к Риге идёт наша 2-я танковая армия, и торопились взять город до её подхода. Соответственно, второпях командир немецкого корпуса и наделал множество ошибок, которые в конечном итоге и привели к разгрому и уничтожению корпуса.

— По пыткам — понятно, разобрались, не было их. По радиорепортажу, газете и листовкам — мы внимательно посмотрели и считаем, что это было оправданно и принесло пользу, — тихо и с расстановкой говорит Сталин. — Но вот меня не покидает чувство, что немцев вы, товарищ Брежнев, ненавидите всё-таки меньше, чем полицаев. Я прав?

— Да, вы правы, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Обоснуйте.

— Война закончится. Из Германии надо, хошь не хошь, будет делать дружественное государство. Не отдавать же её назад капиталистам. И дружить с немцами придётся. И никуда от этого не деться. И лет через пять-десять, после Победы, мы всех пленных в Германию вернём. За исключением, естественно, военных преступников и после того, как они все ими порушенное восстановят. И приедут эти плен-

ные в страну, которая уже несколько лет как дружит с Советским Союзом. И для СССР выгодно, чтобы эти пленные приехали в ГДР с нормальным и даже положительным отношением к советским людям и Советскому Союзу.

— ГДР?

...лядь. Опять прокол.

— Германская Демократическая Республика — товарищ Верховный Главнокомандующий. Как-то надо для себя будущую Германию от нынешнего Рейха отделять.

— А почему «демократическая»?

— «Народная» — не подходит, по-немецки это будет звучать практически так же, как и «нацистская». «Социалистическую» и «советскую» — надо будет ещё им заслужить. А «демократическая» — в самый раз будет.

— Разумно. Но мы отвлеклись. Полицаи?

— Полицаи — предатели. Предателей не прощают, их уничтожают. Это с врагом можно помириться, на наших, естественно, условиях помириться. И я очень сильно боюсь, что после войны, тогда, когда мы начнём отпускать пленных немцев в Германию, кто-нибудь у нас по доброте душевной попытается простить и амнистировать предателей.

— После всего того, что они натворили? — это не выдержал Бочков.

— Это сейчас представить невозможно, но пройдёт время, раны заживут, эмоции поутихнут, и вполне возможно, что встанет вопрос: вот мы немцев отпускаем, а почему бы и своих оступившихся сограждан не пожалеть? Тем более что прецеденты уже были.

— Это когда? — не сразу сориентировался Сталин.

— Амнистия 1921 года¹. Того же Слащёва² простили. Скажут — вот в Гражданскую простили, а почему сейчас нельзя?

— И почему, по-вашему, нельзя?

— Белые не предатели. — Бочков напрягся, а Сталин в усы улыбается. — Белые были врагами. Они Советской власти не присягали и соответственно её и не предавали. Но с врагом можно помириться, если он разбит и принимает твои условия. Вот тех, кто принял условия Советской власти, того и простили. Ещё раз повторюсь — белые не предатели, а враги. Нынешние же полицаи — предатели чистой воды. И прощать их, я считаю, никак нельзя. Ни сейчас, ни через время. Даже через сто лет — нельзя.

— И что? Всех расстрелять? — интересуется Верховный.

— Кто заслужил расстрел — расстрелять. Тех, кто нагадил не на расстрельную статью — лет на двадцать пять — тридцать в лагеря, лес валить, дороги строить, в шахтах работать. И чтоб никакой амнистии! И НКВД предупредить — чтоб, норму не выполнил — новый срок за саботаж, чтоб, палец себе порезал — срок за членовредительство. Чтоб все, кто

¹ Декрет ВЦИК от 3 ноября 1921 года объявлял амнистию большинству участников Белого движения и разрешал им вернуться домой из эмиграции.

² Яков Александрович Слащёв (29.12.1885—11.01.1929) — русский и советский военачальник, военный педагог, генерал-лейтенант. Активный участник Белого движения. Воевал против Красной Армии в рядах Вооружённых сил юга России. После освобождения Красной Армией Крыма от ВСЮР эвакуировался в Турцию. В конце 1921 года по индивидуальной амнистии вернулся в Советскую Россию. Служил в РККА, был преподавателем в военных академиях, репрессиям впоследствии не подвергался, хотя крови Красной Армии части и соединения ВСЮР под его командованием пустили много.

из этой падали доживёт до конца своего срока — выходили бы уже ничего не могущими развалинами. Вот такое у меня отношение к предателям, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Да уж, наговорили вы, товарищ Брежнев. — Сталин оборачивается к Бочкову: — А комиссары из ГПУ говорили, что генерал Брежнев — враг и безумец. Враги так немцев не бьют, а безумцы таких мыслей не имеют.

— Согласен с вами, товарищ Сталин, вполне разумные мысли, — это Прокурор Союза говорит, и мне не показалось, что он поддакивает, это реально его оценка.

— Ну что ж, у Прокуратуры ещё есть вопросы к генерал-майору Брежневу?

— Генерал Брежнев действовал в условиях крайней необходимости, и соответственно даже обвинения в превышении полномочий и злоупотреблении властью ему не могут быть предъявлены, — сообщает Бочков.

Уфф. Ура! В общем-то, я особо не сомневался, что так всё и закончится, но всё же неприятно, когда тебе такие предъявы кидают. Время сложное, военное, всяко-разно может повернуться.

Но, блин, Бочков не закончил:

— Вполне возможно, что вышестоящий командир генерала Брежнева сочтёт некоторые его действия правонарушениями. Но это уже всё в рамках Дисциплинарного устава и на усмотрение командования.

Это что такое? Меня что, на губу или в дисбат? Смотрю на Сталина. А Виссарионыч лыбится. И Бочков — тоже. Сговорились. Троллят. Ладно, переживём.

— Раз у Прокуратуры к товарищу Брежневу вопросов больше нет, может быть, уже отпустите его со мной? — Виссарионыч жжёт.

— Да, конечно. Товарищ генерал-майор, получите-распишитесь. — Бочков достаёт из массивного сейфа у себя за спиной мои документы, пистолет с кобурой и отдельно магазин с патронами.

Расписываюсь в получении, документы — во внутренний карман, пистолет — в кобуру, кобуру — на ремень. Ремень с портупеей у меня, кстати, никто и не забирал. Готов.

— Ваши вещи — в приёмной. До свидания, товарищ генерал-майор, если что — заходите на огонёк, — прощается со мной Прокурор Союза.

— Спасибо. Но лучше уж вы к нам.

Пара секунд на переваривание. И Виссарионыч с Прокурором заржали.

— Посмеялись и хватит. Поехали уже, товарищ Брежнев, а то уже действительно руководство страны время впустую тратит. — Сталин указывает мне рукой на выход, а сам направляется к стоящей в углу вешалке, на которой ждёт его выдавшая виды шинелька.

В приёмной, на массивном кожаном диване, больше похожем на многоместный трон, лежит мой вещмешок и полушубок с мутоновой шапкой-ушанкой. Облачаюсь. Почти сразу из кабинета Прокурора выходит Сталин.

— Пойдёмте, машина ждёт.

Идём по коридорам в сопровождении материализовавшегося то ли адъютанта, то ли охранника. Внутренний двор. Два чёрных брата-близнеца — сто первые «ЗИСы». Садимся в один из первых советских лимузинов. Выезжаем из внутреннего двора Прокуратуры, у ворот к нашей машине пристраивается трёхосный «Додж» с охраной. Несколько минут, и небольшая колонна въезжает в Кремль. Выходим из машины.

— Прогуляемся? — предлагает Сталин. Согласно киваю и иду следом. Неспешная прогулка по немногочисленной территории Кремля. Сталин останавливается, достаёт из кармана трубку, не раскуривая вдыхает аромат впитавшегося в вишнёвое дерево табака, задумчиво смотрит в сторону Замоскворечья.

— Надеюсь, вы сделали выводы из всего произошедшего?

— Так точно, товарищ Верховный Гла...

— Наедине можно короче — просто говорите «товарищ Сталин».

Оппа! Где-то читал, что обращение «товарищ Сталин» было допустимо только для рядовых граждан и для людей из личной команды Сталина. Для остальных — обращение сугубо по должности. Это чё? Меня в команду взяли?

— Так точно, товарищ Сталин.

— И какие выводы?

— Думать и не подставляться.

— Вы уже довольно много сделали для страны и народа. И мы очень ценим это. Но есть и обратная сторона ваших достижений. Вы теперь стали заметной фигурой. И вас теперь будут рассматривать под микроскопом, будут искать пятна и даже пылинку, прилипшую на ваш китель, могут раздуть до размеров навозной кучи. Учтите это.

— Учту.

— Там у вас, по докладу начальника ГРУ, ещё интересная комбинация с Абвером¹.

— Так точно.

¹ О внедрении в окружение Шелленберга бывшего командира разведвзвода бригады Брежнева читайте во второй книге цикла.